

политика

Н.С.Розов

КРИЗИСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ 1990-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ РОССИИ

Николай Сергеевич Розов — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Для связи с автором: prozov@gmail.com.

Аннотация. Бурная социально-политическая динамика в России 1990-х годов, представленная через череду кризисов и поворотных событий, соотнесена в статье с концепцией механизмов российских исторических циклов. Перечислены основные этапы динамики — комплексы взаимосвязанных событий, меняющих расстановку сил, структурные условия и направленность последующих процессов. Приведен перечень главных акторов и социальных групп, участвовавших в политической динамике того периода: верховная власть, реформаторы, инсайдеры, олигархи, ставленники спецслужб, «просоветская» и демократическая оппозиция, регионалы, городской образованный класс, рабочие и шахтерские движения, «простой народ».

По заключению автора, быстрые масштабные изменения в политике 1990-х годов, как и прежде, происходили в параметрическом пространстве с осями «государственный успех» и «свобода». Переходы осуществлялись между фазами, характерными для гораздо более продолжительных циклов исторического прошлого России, — «кризис», «либерализация», «авторитарный откат», «распад государства», «военно-политический триумф». Вместе с тем механизм общей смены демократического тренда и нарастания авторитарных тенденций нуждается в уточнении. Предложена фазовая модель, объясняющая эту смену через закономерности стратегий, используемых верховной властью в ответ на вызовы-угрозы при разных условиях. Слабость и провалы государственной политики при дефиците ресурсов вели к массовому разочарованию, делегитимации верховной власти и политики реформ, что проявлялось на выборах, вдохновляло приверженцев реставрации. Рост соответствующих угроз приводил к ставке на административные и силовые меры. При накоплении достаточных ресурсов эти меры становились успешными, получали положительное подкрепление. При каждом кризисе верховная власть одерживала победу, при этом снижалась коллегиальная разделенность власти, а реформы теряли изначальную направленность на экономи-

ческую свободу, подъем малого и среднего бизнеса, рост демократии. Как следствие, возможности политической модернизации не были реализованы, уступив место авторитарным трендам.

Ключевые слова: социально-политическая динамика, исторические циклы, авторитарный откат, либерализация, коллегиальное разделение власти, легитимность, 1990-е годы

**Структура
политической
динамики 1990-х
годов**

Перестройка, падение коммунистического режима, распад СССР, переход к рыночной экономике и всенародным выборам — все эти процессы осуществлялись через острые кризисы и крутые повороты. Они происходили на многих уровнях и через несколько контуров — причинных цепочек событий и действий. Как и в других случаях, наиболее значимыми здесь выступали два контура — большой и малый.

В большом — социально-политическом — контуре поворотные события воздействуют на масштабные политико-экономические структуры, уровни безопасности, благосостояние, настроения и поведенческие установки широких социальных групп, на изменение хода множества процессов по всей стране.

В малом — конфликтном, элитарном — контуре те же поворотные события меняют расстановку сил главных акторов национального политикума, что выражается прежде всего во взлетах и падениях легитимности акторов, в их назначениях и отставках, электоральных выигрышах и проигрышах, изменениях в отношениях, полномочиях, доступе к ресурсам, возможностях, ограничениях действий и т.п.

Поворотные события являются интегральными следствиями действий и стратегий разных *акторов*, отвечающих на свои *вызовы*. Каждый актер предстает в двух ипостасях:

- а) как *позиция* (формальная должность, пост в государственных структурах, формальное и/или неформальное лидерство в политических партиях и движениях);
- б) как *человек* (конкретный индивид, личность), занимающий эту позицию, имеющий определенные установки (интересы, цели, внутренние принципы, ограничения) и опирающийся на личные ресурсы (таланты, внешность, риторические способности, партнерские связи, деньги и пр.), которые не обязательно связаны с актуально занимаемой позицией.

¹ См., напр. Хасбулатов 1994; Ельцин 1994; Рогов* (ред.) 2021.

**Кризисы и
поворотные
события 1990-х
годов**

Описания событий и процессов 1990-х годов весьма обильны, причем с разных сторон и в разных жанрах¹. Далее приведен перечень поворотных событий — относительно быстрых структурных изменений, связанных между собой, близких по времени и типу явлений, которые приводили к соответствующим этапам политической динамики — сменам расстановки политических сил, характера противостоя-

ний, логики взаимодействий и направления социально-политических процессов на разных уровнях.

1. *Провал путча* (август 1991 г.). Попытка переворота и поражение ГКЧП с арестом его лидеров и подчинением силовых органов Борису Ельцину, последующей растерянностью и бездействием союзных властных структур.
2. *Распад СССР* (осень-зима 1991 г.). Референдумы, политические выступления за отделение от России в других союзных республиках. Беловежские соглашения (декабрь 1991 г.).
3. *Испытание реформами* (январь 1992 — декабрь 1993 г.). «Шоковая терапия» Егора Гайдара, отпуск цен, инфляция, уличные протесты и акции. Обострение конфликта между президентом и Съездом народных депутатов. Политический кризис (сентябрь 1993 г.) и вооруженный мятеж в Москве, расстрел здания Верховного совета, победа Ельцина, роспуск Съезда и Верховного совета РСФСР (октябрь 1993 г.). Принятие Конституции РФ и успех ЛДПР на выборах в Госдуму (декабрь 1993 г.).
4. *Военный и политический провал* (1994—1995 гг.). Первая чеченская война с унижительным поражением, неприятие войны в обществе. Рост массового недовольства политикой президента и правительства, стачки и забастовки, нередко при поддержке региональных руководителей. Победа КПРФ на выборах в Госдуму (декабрь 1995 г.).
5. *Победа, усилившая конфликт* (лето 1996 — лето 1999 г.). Успешное проведение кампании «Не дай Бог!» и победа Ельцина во втором туре президентских выборов (июль 1996 г.). Образование широкой антиельцинской коалиции в Думе при участии региональных лидеров во главе с Юрием Лужковым и Евгением Примаковым. Болезнь Ельцина и его отказ баллотироваться на следующий срок (сентябрь 1997 г.). Обострение борьбы за будущее президентство. Дефолт (август 1998 г.). Усиление социально-экономического кризиса и общего политического напряжения. Попытка импичмента Ельцина (май 1999 г.).
6. *Операция «преемник»* (май 1999 — март 2000 г.). Освобождение Примакова от должности председателя правительства. Столкновения на границе Чечни и Дагестана. Стягивание российских войск к границам Чечни. Назначение Владимира Путина главой правительства (август 1999 г.). Взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске. Начало Второй чеченской войны (сентябрь 1999 г.). Успех «Единства» на выборах в Думу. Прощальная речь и уход Ельцина с досрочной передачей полномочий (декабрь 1999 г.). Победа Путина над Геннадием Зюгановым на президентских выборах (март 2000 г.).

**Пять аспектов
поворотных
событий**

Поворотные события всегда многоаспектны. В данной модели учитываются пять аспектов — институциональный, кадровый, медийный, силовой и ресурсный, — которые во многом определяют остальные (ментальные, дискурсивные, языковые и пр.).

Институциональный аспект поворотного события означает существенную трансформацию структуры властных позиций, правил взаимодействия между занимающими эти позиции, их формальных полномочий и доступа к ресурсам, преобразование политически значимых организаций.

Так, поворотными в институциональном плане являются такие события, как появление/ликвидация президентской должности, учреждение и роспуск парламента, выборы общенационального уровня, кардинально меняющие расстановку сил, серьезное изменение правил формирования правительства и т.п. Создание, слияние, разделение, ликвидация министерств, ведомств и прочих учреждений, изменение электоральных правил, а также сами выборы считаются поворотными событиями лишь тогда, когда влекут за собой крупные структурные изменения, меняют направление и ход процессов в основных сферах общественной жизни.

Кадровый аспект поворотного события состоит в таком замещении (или серии замещений) властных позиций, когда вновь назначенный или избранный человек существенно отличается от предшественника по своим интересам, целям, принципам, арсеналам методов и, соответственно, политическому поведению. Тем самым на той же структурной позиции (ключевой во власти и администрации) фактически появляется новый актер, который в общем случае иначе воспринимает вызовы и иначе на них реагирует.

Чем выше властная позиция (пост, должность) и шире сопутствующие ей формальные полномочия, тем больше обычно бывает кадровых изменений на нижележащих уровнях, поскольку политики и чиновники склонны приводить за собой или собирать под себя команду подчиненных (как минимум ближайших).

Медийный аспект поворотного события сопряжен с относительно быстрыми изменениями в информировании публики и интерпретации политически значимых явлений, что трансформирует представления и настроения социальных групп в *большом контуре* и опосредованно воздействует на поведение акторов в *малом*.

Силовой аспект поворотного события включает организованные вооруженные действия (применение силовых ресурсов) со стороны акторов, коалиций, партий, движений, направленные на подавление политических противников и/или создание желаемого эмоционального настроения (тревожности, страха, гнева, удовлетворения от отмщения, гордости за проявленную мощь и т.д.) в элитах и среди широких групп населения. Сюда относятся как государственные, так и протестные акции: задержания и аресты, разгоны демонстраций, политические покушения и убийства, расстрелы, захваты административных зданий, взятие за-

ложников, военные действия внутри государственных границ (против сепаратистов, против центральных властей) и на внешней арене.

Наконец, *ресурсный аспект* поворотного события заключается в существенных сдвигах в доступных акторам электоральных, финансовых, кадровых, силовых, информационных и прочих ресурсах. Внешними причинами таких сдвигов могут быть повышения/падения экспортных цен, миграционные процессы. Также значительным образом могут меняться поддержка со стороны избирателей, собираемость налогов, лояльность и эффективность силовых и бюрократических структур, количество и качество информации, необходимой для принятия решений.

Политический конфликт в данной модели понимается как особая серия взаимодействий в *малом контуре*, при которых ответы одних акторов воспринимаются как прямой ущерб или вызовы-угрозы для других. Используя доступные им ресурсы, противники предпринимают враждебные действия в институциональной, кадровой, медийной и силовой сферах (полях борьбы), что при определенных условиях ведет к политическому кризису.

Политический кризис — это следствие эскалации взаимных враждебных действий основных акторов в *малом контуре*, которая уже не преодолевается стандартными мерами. Поскольку противостоящие акторы вынуждены искать союзников, такая эскалация обычно приводит к формированию коалиций, их поляризации и радикализации, переходу взаимодействий на новые поля борьбы вплоть до вооруженного насилия.

Социально-политический кризис — фаза расширения политического кризиса на *большой контур* (соответственно, на значительную часть общества), когда некоторые из враждующих между собой акторов привлекают на свою сторону крупные социальные группы, целые слои населения или региональные элиты, местные лоялистские или протестные движения. Кризис этого типа тоже не может быть преодолен обычными средствами, так как враждующие акторы и коалиции элит не способны к последовательной солидарной политике. Если острота подобного кризиса приводит к реальной опасности свержения власти, смены режима, следует говорить о социальной революции.

Завершение кризиса происходит через победу одной из сторон или новое равновесие, как правило, со сменой состава акторов, их позиций, предметов внимания, структур и ресурсов, отношений и расстановки сил, с новыми вызовами-угрозами и вызовами-возможностями.

**Источники
и факторы
поворотных
событий в обоих
контурах**

В общем случае поворотные события порождаются сочетанием «естественных» процессов, которые, «назревая», подготавливают их, а также взаимодействием акторов:

- а) изменения в конъюнктуре экспортных цен, собираемости налогов и пошлин, ведущие к существенному повышению или снижению

доступных финансовых средств (бюджета для правительства, его долей для ведомств, в том числе силовых), серии провалов, свидетельствующие о снижении качества и объема имеющихся административных, информационных, технологических, силовых ресурсов, другие значимые ресурсные изменения, становятся вызовами-угрозами и вызовами-возможностями для акторов *малого контура*;

- б) следствия прошлых поворотных событий, включая стратегии акторов, влияют на процессы на низовом уровне в *большом контуре*; меняются уровни благосостояния, безопасности, характер настроений, ожиданий, политических предпочтений, мобилизованности разных социальных групп, в том числе чиновничества, силовых структур, региональных элит и групп избирателей;
- в) в результате процессов (а) и (б) в *большом контуре* возрастает электоральная, финансовая, низовая административная, силовая поддержка одних акторов и снижается поддержка других, что, как правило, приводит к сдвигам в их положении, легитимности в *малом контуре*;
- г) отвечая на поступающие вызовы, акторы с административными полномочиями, а также обладающие субъектностью и полномочиями коллегиальные органы в *малом контуре*, в той или иной мере подчиняясь правилам и ограничениям для своих позиций, осуществляют институциональные изменения (обновление организаций, правил, целей и порядка деятельности) и кадровые замены; эти действия вместе с ответами на вызовы (а) и продолжающимися стратегиями других акторов производят новое поворотное событие, ведущее к структурным трансформациям, смене характера течения процессов в обоих контурах (а-в).

Основные акторы, их интересы и предрасположенности в 1990-х годах

Акторов, действовавших в 1990-е годы, можно условно подразделить на две группы — власть и оппозицию, — в рамках которых в свою очередь выделяются особые подгруппы со своими интересами и предрасположенностями.

1. Власть:

- а) *верховная власть* (Михаил Горбачев, затем Ельцин с меняющимися сподвижниками) — удержание власти, рыночная и отчасти демократическая трансформация;
- б) *реформаторы* (Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, Виктор Черномырдин) — рыночные реформы в расчете на создание среднего класса, что должно было обеспечить политическую модернизацию;
- в) *инсайдеры* — бюрократы и «фавориты» (Геннадий Бурбулис, Сергей Ястржембский, Александр Волошин, Александр Коржаков, Валентин Юмашев, Татьяна Дьяченко) — укрепление власти Ельцина через административные ресурсы;

- г) *олигархи* (Борис Березовский, Владимир Гусинский, Михаил Фридман, Владимир Потанин, Роман Абрамович, тогдашний Михаил Ходорковский и др.) — захват собственности, влияние на власть, а также на медиа и выборы;
- д) *ставленники спецслужб* (Евгений Примаков, Сергей Степашин, Николай Бордюжа, Владимир Путин, вероятно, Владимир Жириновский, Валентин Юмашев и др.) — влияние на власть, использование выборов, но чаще административных и силовых ресурсов.

2. Оппозиция:

- а) *«просоветская» оппозиция* (КПРФ, Геннадий Зюганов, Аман Тулеев и др.) — борьба за власть через реставрационную пропаганду с использованием свободы прессы, провоцирование протестов и выборы²;
- б) *регионалы* (Юрий Лужков, Минтимер Шаймиев, Эдуард Россель, «Сибирское соглашение» и др.) — борьба за самостоятельность и долю ресурсов через самоорганизацию и демонстрацию массовой поддержки;
- в) *демократические лидеры и движения* (Виктор Шейнис, Галина Старовойтова, Григорий Явлинский, Борис Немцов, столичные и региональные группы) — демократическая трансформация, поддержка Ельцина, вначале сильная, потом слабая.

Не являлись отдельными акторами, но существенно влияли на политические процессы:

- а) *образованный городской класс* — вначале поддержка демократов и Ельцина, затем политическая пассивность;
- б) *рабочие и шахтерские движения* — готовность к протестным акциям, нередко при поддержке региональных властей в контексте их политического торга с центром;
- в) *«простой народ»* — электоральная поддержка вначале Ельцина, потом альтернативных лидеров и партий (ЛДПР и КПРФ), а также Александра Лебеда, Примакова, Лужкова, Путина.

**Фазы циклов в
параметрическом
пространстве
«государственный успех /
свобода»**

Для осмысления бурных событий 1990-х годов следует поместить их в охватывающий контекст. Вполне адекватным здесь видится контекст российских циклов, которые выделяются многими авторами, хотя представляются и интерпретируются по-разному³. При этом удобно использовать не один параметр изменения (реформы/контрреформы, милитаризация/демилитаризация), а две шкалы — свобода/несвобода и государственный успех/провал, — расположив соответствующие оси ортогонально (см. рис. 1).

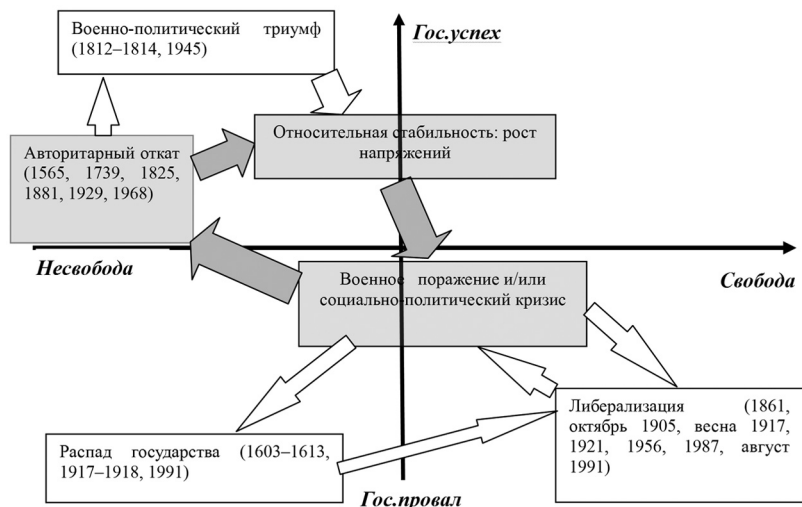
³ См., напр. Янов 1997; Hellie 2005; Розов 2011.

Шкала *государственный успех/провал* агрегирует уровни:

- геополитического могущества, престижа;
- военных побед/поражений и территориальных приобретений/потерь;

Рисунок 1 Основные фазы российских циклов и переходы между ними⁴

⁴ *Затемненные блоки и стрелки — самая типичная кольцевая динамика; белые — более редкая маятниковая динамика. В скобках указаны годы наиболее ярких манифестаций отдельных фаз.*

- легитимности власти и политического режима;
- социально-политической стабильности/напряженности;
- экономического и эмоционального комфорта (удовлетворения материальных и социальных потребностей) влиятельных групп.

Шкала *свобода/несвобода* в свою очередь агрегирует уровни:

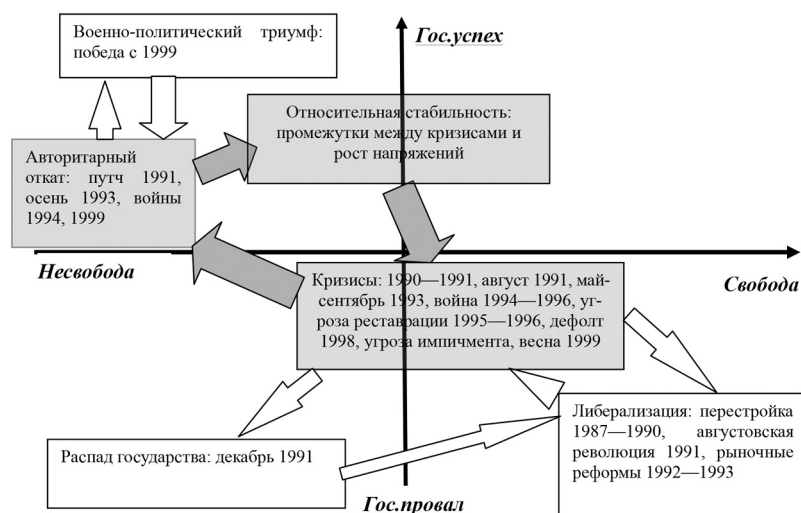
- фактической независимости индивидов (подданных, граждан), их защищенности от прямого принуждения и насилия;
- защиты личных, гражданских и политических свобод, прав человека;
- защиты собственности, свободы предпринимательства;
- партиципаторности — участия населения в управлении обществом, ответственности политиков и чиновников перед его избранными представителями;
- конституционализма, верховенства права — подчиненности исполнительной власти законам.

Пусть с оговорками, политические события 1990-х раскладываются по тем же фазам исторических циклов (см. *рис. 2*).

Можно сколь угодно аргументированно критиковать или защищать отнесение конкретных событий к той или иной фазе. Но вряд ли можно оспаривать следующие общие тезисы:

- а) колебания происходили по обеим указанным осям;
- б) скорость процессов и размах колебаний были чрезвычайно велики.

Рисунок 2 Основные политические события 1990-х годов, соответствующие типовым фазам российских циклов

Подтвердились сквозные паттерны российских циклов:

- а) краткость, неустойчивость либерализаций, которые происходят только в результате кризиса при низком государственном успехе;
- б) выйти из кризиса удастся только через авторитарный откат;
- в) квадрант сочетания высокого государственного успеха и высокого уровня свободы остается пустым.

Применительно к прежним эпохам растущие напряжения, кризисы власти получили объяснение через понятие ресурсного баланса и его нарушения:

- а) вследствие внешних и/или внутренних причин у государства возникает дефицит ресурсов (казны, бюджета, рекрутов), что обуславливает его неспособность содержать силовые структуры, обеспечивающие внутренний порядок, удерживать провинции, эффективно собирать налоги, выполнять обязательства;
- б) государство и элиты восполняют дефицит ресурсов за счет основной части населения (через принудительный труд, инфляцию, дополнительные налоги), тем самым провоцируя социальное напряжение, рост протестных настроений и пр.;
- в) растут численность и аппетиты элит, которые в борьбе между собой привлекают на свою сторону широкие социальные слои, что ведет к социально-политическому кризису;
- г) в условиях дискредитации авторитарных режима и власти происходят попытки либерализации.

При минимальных поправках черты этих процессов просматриваются также во времена перестройки и 1990-е годы. Тем более важно, как объяснялись провалы либерализаций в историческом прошлом.

**Почему
либеральные
ответы не ведут
к успеху?**

Обобщение условий свертывания либеральных реформ (1805—1811, 1874—1881, 1906—1911, 1927—1929, 1968—1971 гг.) дало следующие результаты.

На момент начала либеральных реформ целостность и упорядоченность функционирования российского общества (территориальное управление, регулирование ресурсных потоков, налогообложение, система повинностей и обязанностей подданных/граждан, формирование мировоззрения) держались на принуждении, которое прямо осуществлялось либо поддерживалось государством.

Поскольку каждая либерализация ослабляла отношения принуждения, нарушались прежние режимы функционирования общества, возрастали неравенство, недовольство ущемленных слоев населения, что вело к дискредитации либеральных реформ.

При ослаблении отношений принуждения возникали мятежи и сепаратистские выступления на окраинах (кавказские войны, польские восстания первой половины XIX в., действия басмачей в Средней Азии в 1920—1930-х годах, Венгерское восстание 1956 г., «Пражская весна» 1968 г.; в том же ряду «бархатные революции» в Центральной Европе, столкновения в Тбилиси, Баку, Вильнюсе в конце 1980-х годов, сепаратистские движения в СССР, а затем в России в начале 1990-х годов). Падение геополитического престижа тоже дискредитировало либеральные преобразования.

Государство всегда само проводило реформы, политики и чиновники не считали нужным вести диалог с обществом и идти на какие-либо уступки, видя в последних демонстрацию слабости власти. Либеральные реформы порождали у общества (особенно у образованных слоев) большие надежды, которые, как правило, не оправдывались, что обостряло конфликт (декабристы, народники и народовольцы, диссиденты, демократическая и патриотическая оппозиция).

Несколько раз во внутреннюю политику вмешивалась война. Каждая победа (над Наполеоном в 1812—1814 гг., над Турцией в 1877—1878 гг., типологически сюда же относится силовое подавление «Пражской весны» 1968 г.) оборачивалась свертыванием либеральных реформ. Военный и геополитический успех в России прочно ассоциируется с оправданностью авторитарного государства и мобилизационно-го режима.

Наряду со структурными и ресурсными факторами следует принимать во внимание и менталитет — политическую культуру правителей, элит и больших групп населения. Здесь маятниковое движение происходит между эмансипацией элит и захваченных ими масс от правил как инструментов принуждения «сверху», что ведет к кризисам и либера-

лизациям, и восстановлением таких правил вкупе с соответствующей «вертикалью власти». Хронический дефицит правил, ограничивающих само государство, дисциплинирующих правителей, властные, силовые и экономические элиты, может объясняться множеством причин, но первая из них чрезвычайно проста: в российском менталитете мысль о необходимости подобных правил практически отсутствует.

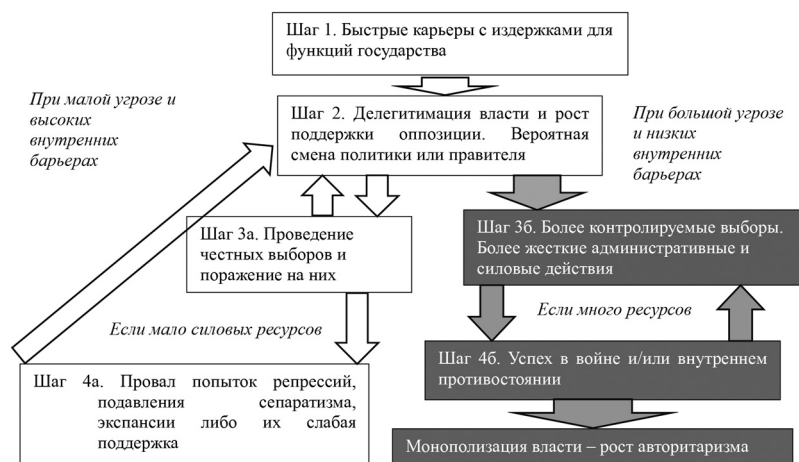
В 1990-е годы принятие Конституции 1993 г., введившей — по американскому и французскому образцам — определенные правила, взаимно ограничивающие высшие власти, обусловило конкурентную политическую борьбу, а также отдельные случаи уступок и компромиссов между президентом и Думой. Однако главная энергия была направлена на выигрыш в «игре в царя горы» с перспективой изменения правил под себя, когда победа будет достигнута.

Механизм смены политических решений и трендов при росте вызовов-угроз для верховной власти

Как видим, концептуальные средства объяснения российских циклов вполне релевантны и для объяснения политической динамики бурных 1990-х годов.

В уточнении нуждается сам механизм смены благих (причем вполне искренних) стремлений к установлению открытого, свободного, демократического общества на противоположные тренды. Здесь недостаточно указания на постоянно действующие принципы и сквозные паттерны. Рассмотрим модель динамической взаимосвязи между меняющимися структурными условиями и политическими решениями/действиями (см. рис. 3).

Рисунок 3 Модель, объясняющая становление нового авторитаризма при конфликтной динамике после обрушения прежнего

Шаг 1. После падения прежнего авторитарного режима при ослабших административных и правовых ограничениях чиновники, политики, а также связанные с ними представители бизнеса и финансовой сферы, стремясь сохранить или повысить собственные позиции, наращивают свои административные и материальные ресурсы.

Шаг 2. Последствиями таких действий становятся несправедливое распределение, невыполнение государством своих обязательств и функций поддержания правопорядка, что снижает легитимность верховной власти и порождает вызовы-угрозы для правителя. Растет легитимность его соперников, оппозиции, других ветвей власти.

Шаг 3а. Для ответа на эти вызовы правитель, пришедший к власти на волне возмущения авторитаризмом, следуя внутренним моральным и внешним правовым ограничениям, пытается укрепить свои позиции в электоральном поле посредством честной борьбы по правилам (демократические парламентские выборы), но терпит поражение ввиду снижения легитимности как его самого, так и поддерживающих его партий. Происходит возвращение к шагу 2, но с ростом угроз и повышением вероятности перехода к шагу 3б.

Шаг 4а. В надежде восстановить свою легитимность правитель обращается к внутренним репрессиям, а также к военным действиям, направленным на подавление сепаратизма или присоединение новых территорий. При недостатке ресурсов и решимости добиться военного успеха и/или подавить соперников и оппозицию в других ветвях власти не удастся, что еще больше снижает легитимность правителя. Происходит возвращение к шагу 2.

Повторение цикла 2→3а→4а→2 ведет к радикальной смене политики или правителя, причем, чтобы избежать прежних провалов, реализуются противоположные, более жесткие стратегии (контур 3б→4б→3б).

Шаг 3б. Столкнувшись с сильной угрозой полной утраты власти, правитель склонен нарушать оставшиеся внутренние барьеры. Он накапливает силовые и административные ресурсы, проявляет решительность в подавлении политических соперников, сепаратизма, а также во внешней экспансии, оправдывая это необходимостью укрепления державы и рассчитывая на повышение престижа и посмертную славу.

Шаг 4б. При наличии достаточных ресурсов и решимости массированное применение насилия позволяет выиграть войну и/или подавить соперников. При этом легитимность правителя растет. В дальнейшем в критических ситуациях он будет ориентироваться на принуждение, что означает возвращение к шагу 3б.

При закономерном переходе от контура 2→3а→4а→2 к контуру 2→3б→4б→3б происходит снижение коллегиальной разделенности власти (паттерн «воронки»), а соответственно, ее монополизация и рост авторитаризма.

Сопоставление модели с поворотными событиями 1990-х годов

Шаг 1. Экономоцентризм Гайдара и других «младореформаторов» при проведении реформ обуславливался надеждами на автоматическое создание среднего класса благодаря рынку. Ставка была сделана не на малый и средний, а на крупный бизнес. Приближенные к власти представители бизнеса (*олигархи*) были нацелены на быстрое обогащение через раздел захваченных ресурсов («залоговые аукционы» и т.п.).

Отметим скандальные дисфункции в базовых сферах государства (обеспечение правопорядка и монополии на насилие, сбор налогов, выплата зарплат бюджетникам и пенсий). Они были вызваны не столько «трудностями перехода», сколько смещением интересов чиновничества (*инсайдеров*) в сторону включения в патрональные сети, кланы и клиентелы, манящие высокими доходами разной степени нечестности⁵.

Шаг 2. С 1993 г. Ельцин в основном проигрывал в медийном поле, а поддерживавшие его партии, связанные с *реформаторами*, не достигали ожидаемого успеха на думских выборах (декабрь 1993, 1995 и 1999 гг.).

Шаг 3а. С весны 1995 г. Ельцин неуклонно терял легитимность, сталкивался с серьезнейшими вызовами-угрозами для своей власти и политики, но каждый раз, привлекая помощников с разными ресурсами (*инсайдеров, ставленников спецслужб*), жертвуя различными «фигурами» и «принципами», справлялся с ситуацией. Изначальная вера в демократию с проведением относительно честных и открытых выборов сочеталась с иллюзиями относительно массовой поддержки демократического пути «*простым народом*». Сходные паттерны наблюдались при сменах режимов в Египте, Ираке, Афганистане в 2010-е годы.

Шаг 4а. Непопулярность Первой чеченской войны, особенно среди *городского образованного класса*, тем более с учетом сопутствующих ей унижительных поражений, усиливала делегитимацию *верховой власти* в полном соответствии с принципом Макса Вебера⁶. Общественные настроения сдвигались против Ельцина и *реформаторов* в лице Гайдара и Чубайса.

Шаг 3б. В условиях вышедшего на поверхность в 1992—1993 гг. антагонизма высших органов власти провал нормальной, мирной государственной политики еще сильнее укрепил традиционное российское неприятие «двоевластия» как ведущего к чему-то дурному и опасному, повысил стремление к монополизации власти в одних руках.

Октябрьские события 1993 г. имели долговременный эффект с точки зрения ментальности и политической культуры общества. Электоральные провалы партий Гайдара и Черномырдина в 1993 и 1995 гг. точнее всего передает метафора «обожглись демократией». Уже в 1996 г. команда Ельцина стала делать ставку на административный ресурс.

Весной 1999 г. вновь назрела угроза импичмента Ельцина с перспективой передачи президентского поста Примакову, который к тому же набрал значительную популярность своим знаменитым разворотом над Атлантикой. После отставки Примакова (май 1999 г.) в ближнем круге Ельцина, судя по всему, шла напряженная работа по подготовке «преемника».

⁵ Heilman 1998; Hale 2015; Rogov* (ред.) 2021: 69.

⁶ Вебер 2017: 281—283.

Шаг 46. В августе 1991 г. лидеры ГКЧП ввели танки в Москву и планировали силовой захват приверженцев Ельцина.

⁷ Ельцин 1994:
329—333;
Хасбулатов 1994.

С начала сентября 1993 г. Ельцин, заранее заручившийся поддержкой милиции и военных⁷, вплотную готовил роспуск Съезда и Верховного совета, где стала доминировать «просоветская» оппозиция. После известного Указа 1400 началась эскалация силовых действий, разрешившаяся танковыми залпами по зданию Верховного совета. Победа была закреплена в Конституции (декабрь 1993 г.), поставившей президента над ветвями власти.

В 1998 г. наметился новый вызов-угроза в виде движения генерала Льва Рохлина. По многим свидетельствам, готовился антипрезидентский мятеж с расчетом на поддержку со стороны «просоветской» оппозиции, возмущенных граждан и военных частей. Если убийство Рохлина (согласно официальной версии, совершенное его женой) действительно было спланированным и связанным с готовившимся мятежом, оно означало преодоление весьма значимого в политике морально-го барьера.

Параллельно начали раскручиваться обвинения в коррупции против «Семьи» и олигархов. Ответом на этот вызов-угрозу стала дискредитация и последующая отставка генпрокурора Юрия Скуратова.

В августе 1999 г. начались столкновения на границе Чечни и Дагестана. В сентябре последовали взрывы в Буйнакске, Москве и Волгодонске, начало Второй чеченской войны, уже получившей массовую поддержку со стороны почти всех акторов и групп.

Заключение

В целом реальная демократическая политика 1990-х годов с непредсказуемыми выборами привела не к коллегиальному разделению власти как основы классической демократии-полиархии⁸, а к тренду на угасание последней.

⁸ Коллинз 2015:
201—211.

Среди элит и населения политическая борьба этого периода ассоциировалась с неспособностью государства обеспечивать порядок и безопасность и массовым обнищанием. Сами правящие элиты и реформаторы неоднократно переживали фрустрацию, не получая ожидаемой электоральной поддержки.

Таким образом, достижения конца 1980-х — 1990-х годов в виде свободы слова и печати, открытой конкурентной политики, парламентаризма, паритетности центров силы получили не положительное, а отрицательное подкрепление, причем для всех сторон. Возможности политической модернизации не были реализованы и последовательно (а в тех условиях и вполне закономерно) сменились авторитарными трендами.

Библиография

- Вебер М. (2017) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
Ельцин Б.Н. (1994) *Записки президента*. М.: Огонек.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС.

Рогов К.Ю.*, ред. (2021) *Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя*. М.: Новое литературное обозрение.

Розов Н.С. (2011) *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.

Снеговая М.** (2023) «Смена режима в России? Демократический транзит, которого не было» // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры: Русское издание*, № 1—2: 119—135.

Хасбулатов Р.И. (1994) *Великая российская трагедия*. М.: Симс.

Янов А.Л. (1997) *Тень Грозного царя: Загадки русской истории*. М.: КРУК.

Hale Н.Е. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Change Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Heilman J. (1998) «Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions» // *World Politics*, vol. 20, 2: 203—234.

Hellie R. (2005) «Structure of Russian Imperial History» // *History and Theory*, vol. 44, no. 4: 88—112.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр иностранных агентов.

** Решением Минюста РФ внесена в реестр иностранных агентов.

N.S. Rozov
**CRISES OF MODERNIZATION
IN THE 1990S IN THE CONTEXT
OF HISTORICAL CYCLES
IN RUSSIA**

Nikolai S. Rozov — Doctor of Philosophy; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. Email: nrozov@gmail.com.

Abstract. The article compares the reckless socio-political dynamics in Russia in the 1990s, manifested in a series of crises and turning events, with the concept of mechanisms of the Russian historical cycles. The paper lists the main stages of dynamics — complexes of interrelated events that change

the balance of power, structural conditions and the direction of subsequent processes. The author also lists the main actors and social groups involved in the political dynamics of that time period: supreme power, reformers, insiders, oligarchs, representatives of special services, “pro-soviet” and democratic opposition, urban educated class, workers and miners’ movements, “ordinary people”.

The author concludes that the rapid sweeping changes in the politics of the 1990s took place, as they did before, in the parametric space with the axes of “state success” and “freedom”. Transitions occurred between the phases that were typical for much longer cycles of the Russian historical past — “crisis”, “liberalization”, “authoritarian rollback”, “state collapse”, “military-political triumph”. At the same time, the mechanism of the general democratic backsliding trend and the growth of authoritarian tendencies calls for clarification. The authors propose a phase model that explains this change through the patterns of response strategies of the supreme power to challenges and threats under different conditions. Weakness and failures of the state policy coupled with a shortage of resources led to mass disillusionment, delegitimization of the supreme power and reform policy, which manifested itself in elections and inspired the adherents of the restoration. The increase in the corresponding threats placed a premium on administrative and violent measures. Once sufficient resources were accumulated, those measures were becoming successful and received positive reinforcement. With each crisis, the supreme power took an upper hand, while the collegial separation of powers was reduced, and the reforms lost their original focus on economic freedom, the rise of small and medium-sized businesses, and the growth of democracy. As a result, the opportunities for the political modernization were missed, giving way to the authoritarian trends.

Keywords: socio-political dynamics, historical cycles, authoritarian rollback, liberalization, collegial separation of power, legitimacy, 1990s

References

- Collins R. (2015) *Makroistorija: Oчерki sotsiologii bol'shoj dli-tel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Change Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.
- Heilman J. (1998) “Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions” // *World Politics*, vol. 20, 2: 203–234.
- Hellie R. (2005) “Structure of Russian Imperial History” // *History and Theory*, vol. 44, no. 4: 88–112.
- Khasbulatov R.I. (1994) *Velikaja rossijskaja tragedija* [The Great Russian Tragedy]. Moscow: Sims. (In Russ.)
- Rogov K.Yu., ed. (2021) *Demontazh kommunizma: Tridtsat' let spu-stja* [Dismantling Communism: Thirty Years Later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Rozov N.S. (2011) *Koleja i pereval: makrosotsiologicheskie osnovanija strategii Rossii v 21 veke* [Track and Pass: The Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Snegovaya M. (2023) "Smena rezhima v Rossii? Demokraticeskij tranzit, kotorogo ne bylo" [Regime Change in Russia? Democratic Transit That Did Not Happen] // *Forum novejshej vostochnoevropskoj istorii i kul'tury: Russkoe izdanie* [Forum of Modern East European History and Culture: Russian Edition], no. 1–2: 119–135. (In Russ.)

Weber M. (2017) *Khodzajstvo i obshchestvo: Ocherki ponimajushchej sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Yanov A.L. (1997) *Ten' Groznogo tsarja: Zagadki russkoj istorii* [Shadow of the Terrible Tsar: Riddles of Russian History]. Moscow: KRUK. (In Russ.)

Yeltsin B.N. (1994) *Zapiski prezidenta* [The President's Notes]. Moscow: Ogonek. (In Russ.)